

А. МАХНЫРЕВ

«Вождь» или «человек»? Образ Ленина в изобразительном искусстве на выставке к 40-летию Великого Октября в московском Манеже

Исторический музей сохраняет обширную коллекцию изобразительных материалов из собрания фондов музея В. И. Ленина, в которых запечатлен образ «вождя мирового пролетариата» и основателя Советского государства со времени его жизни до последних лет Советской власти. По ним мы можем визуально проследить, как сформировался еще в 1920-е гг. и куда за прошедшее столетие эволюционировал «ленинский миф».

С новой силой образ Ленина предстал в изобразительном искусстве «оттепели» после XX съезда КПСС (1956) с разоблачением Н. С. Хрущевым культа личности Сталина, в юбилейную дату главного для СССР события Великой Октябрьской социалистической революции — к ее 40-летию. Дело в том, что образ Сталина в прошедшие годы заслонил в пропаганде и искусстве образ Ленина. С началом активной десталинизации образ Сталина уже почти не встречался, а ведущая роль в его замене все более отводилась образу Ленина.

Надо сказать, что «возвращение Ленина» в обществе ожидалось. Так, в книге отзывов посетителей Государственного исторического музея от 3 августа 1957 г. пожилая большевичка записала: «В глаза бросается (в Парадных сенях. — А. М.) скульптура Сталина, и возникает вопрос: почему нет портрета В. И. Ленина? Настоящего организатора нашей партии и Октябрьской революции». Она вспоминала, что Ленин «присутствовал» в музее при ее посещении в 1920-х гг. и надеялась на исправление этого «пробела» к 40-летию Октября.

Образ Ленина занимал важное место на масштабной Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Великой

Октябрьской социалистической революции (5 ноября 1957 г. — 16 марта 1958 г.), в новом Центральном выставочном зале «Манеж». На ней было представлено около шести тысяч произведений искусства (живописи, скульптуры и пр.)*. Выставка готовилась еще с 1955 г., отбор произведений на нее был особенно тщательным и строгим. Так была забракована картина «В. И. Ленин едет в сопровождении жандарма в первую ссылку». Художнику объяснили, что арест и ссылку Ленина «мы не можем показывать... как ссылку любого студента» и он не раскрыл «типических черт характера молодого Ленина в отношении его к царскому режиму».

Юбилейную выставку в Манеже просмотрело более 35 тысяч человек — такой посещаемости не знала ни одна из прежних выставок. Уже этот факт свидетельствует о большом стремлении граждан соприкоснуться с новыми произведениями искусства, что особо проявилось в «оттепель».

Сохранившиеся в Центральном городском архиве Москвы (ЦГА) индивидуальные отзывы посетителей выставки в «Манеже» показывают крайне любопытную грань общественных настроений. Бросается в глаза множество отзывов, говорящих о неприятии значительной частью интеллигенции, студенчеством произведений того, о чем руководство культурой «отчитывались» выставкой, — официального искусства социалистического реализма: «в основном серо», об изображении Маркса — «дубово», «Ленин совсем не типичен и даже плох», «лицо похоже на лицо старого еврея» и др.** Мэтров советского искусства, относившихся к сталинским любимцам (А. М. Герасимова, который был вынужден под давлением власти и художественной общественности в 1957 г. покинуть пост Президента Академии художеств СССР; Д. А. Налбандяна) ругали как «малоталантливых» «приспособленцев»***. Огромную картину кисти Б. В. Иогансона (заменившего Герасимова на посту Президента Академии художеств СССР) «Социалистическая революция свершилась» посетители требовали снять с экспозиции (сняли 28 января 1958 г.)****.

Ярким примером критического отношения к искусству соцреализма со стороны молодежи эпохи «оттепели» можно считать отзыв студентки 4-го курса МГУ: «Превалируют лакированные кар-

* Подробнее о содержании этой выставки см.: *Махнырев А. Л.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб., 2019.

** ЦГА Москвы. Ф. Р — 791. Оп. 1. Д. 17. Л. 70, 283, 295.

*** Там же. Д. 19. Л. 91.

**** Там же. Л. 243.

тины о прекрасной “колхозной жизни”. Ха! Рабочие темы с этикими здоровенными рабочими... слишком мало жизни. Художники не изображают драматических явлений из жизни, они их не видели... им “не хватает смелости” Дудинцева, автора романа “Не хлебом единым”, подвергнувшегося осуждению со стороны власти”*.

Следует все же заметить, что и у самих мэтров прорывалось неприятие фальши, которое так или иначе, несмотря на участвовавшую критику с партийных трибун, на самом деле «продавливали» многие представители власти. Так, при отборе картин на данную выставку Б. В. Иогансон восклицал по поводу картины «Первые всходы» из Коми АССР, что тракторист «стоит на тракторе, как будто сейчас будет говорить речь. С моей точки зрения, пафосно, не правдиво»**.

Люди старшего поколения, выросшие в сталинский период, одобряли картины «официальных» художников, но некоторые посетители были возмущены отсутствием на огромной выставке произведений о Сталине. Так, преподаватель Текстильного института из г. Иваново считал это «неправильным» («Особенно непροститительно союзу художников Грузии за эту ошибку»). В другом отзыве говорилось: «Неужели о Сталине нет ни одного произведения? Неужели он не заслужил того, чтобы быть отмеченным хотя бы “дрянным” художником вроде Сарьяна?»***.

Многим посетителям нравились работы революционно-романтической тематики, в т. ч. «Декабристы» и др. Эмоциональность критики работ, изображавших Ленина, революцию и исторические события первых советских лет, говорит о том, что многим посетителям выставки они были очень дороги. Их хотели видеть изображенными правдиво, с мелкими подробностями, как это было характерно для старого искусства. Посетители отмечали неточности на картинах: как реальные (на картине Кровавого воскресенья 1905 года есть памятник Александру III, а он появился только в 1909 г.), так и, скорее всего, мнимые (на картине «В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО» некоторые делегаты съезда Советов (1920) казались неверно изображенными, т. к. они были показаны в головных уборах (в папахах), находясь в помещении Большого театра)****.

В отзывах, восхищаясь Марксом и Энгельсом, некоторые «сожалели», что «в первой социалистической стране, в столице Мо-

* Там же. Д. 20. Л. 430.

** Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 1033. Л. 21.

*** ЦГА Москвы. Д. 17. Л. 229, 282.

**** Там же. Д. 20. Л. 1.

скве» нет им памятника, «который должен был быть поставлен, где памятник Долгорукому»*. Революционный идеал «оттепели» вступал в конфликт с государственным идеалом сталинского периода. И такие настроения были далеко не единичны. Так, в рамках общественного обсуждения новых наименований городов, улиц и пр. люди (особенно члены партии) предлагали переименовать населенные пункты, названные «в честь бывших купцов, помещиков, князей и других эксплуататоров»**. Так они стремились окончательно разорвать с памятью о дореволюционном прошлом.

Важной чертой отзывов являлось одобрение работ, не связанных с политико-идеологической тематикой (особенно художника А. И. Лактионова) В сотнях положительных отзывах о картинах Лактионова люди отмечали то, что его «любит вся советская молодежь», и недоумевали, почему его не выдвигают на Ленинскую премию и т. д.***

В целом отзывы посетителей Всесоюзной художественной выставки в честь 40-летия Великого Октября проявили широкую палитру настроений, но лейтмотивом было стремление к обновлению советского искусства, правдивому изображению им жизни вместо приукрашивания действительности соцреализмом. При всей остроте критики у людей в основном сохранялась вера в советские идеалы в их романтическом художественном воплощении.

Идеологами из ЦК КПСС на новой волне ленинизации немалая роль была отведена изобразительному искусству с его наглядностью и относительной быстротой исполнения произведений. Особенно мобильно отозвалось на новую тенденцию плакатное искусство. На плакате Марии Нестеровой-Берзиной «Да здравствует всепобеждающее знамя ленинизма!» вокруг бюста В. И. Ленина как вокруг Солнца или даже как центра Вселенной «обращаются» изображения праздничных толп советского народа, флагов и гербов союзных республик с надписью «СССР», крейсера «Авроры» и Зимнего дворца с лозунгом «За власть Советов», плотины ГЭС (скорее всего, Куйбышевской, сданной к юбилею Октября в 1957 г.) с лозунгом «Миру — мир». Образом Ленина «освящалась» советская национальная политика (после XX съезда уже с эпитетом не «ленинско-сталинская», а «ленинская»). Подкреплялась ленинским авторитетом и политика «мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими

* Там же. Д. 19. Л. 336.

** Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 88. Л. 125.

*** ЦГА Москвы. Ф. Р — 791. Оп. 1. Д. 18. Л. 228–474; Там же. Д. 19. Л. 168.

системами». Так ЦК КПСС разрешил к юбилею Великого Октября впервые опубликовать в СССР в газете «Правда», журналах «Коммунист» и «Партийная жизнь» интервью В. И. Ленина, данное им в 1920 г. американским журналистам со словами о «мирных экономических взаимоотношениях между... Советской республикой и капиталистическими державами Запада». Если вернуться к образу Ленина на данном плакате — это вождь и божество, дарующее истинное учение (ленинизм), он дан в привычном виде, в каком предстал в искусстве с 1930-х гг.

Ленин красного цвета на юбилейном плакате Виктора Иванова «Народ и партия — едины!» как монумент указывает на заднем плане путь разным поколениям, олицетворяющим различные этапы жизни советского народа в его борьбе: красногвардейцу — «за Советскую власть», рабочему первых пятилеток — «за социализм», красноармейцу времен Великой Отечественной войны — «за нашу Советскую Родину» и рабочему 1950-х гг. — «за коммунизм». Исследователь Т. Г. Колоскова отмечает: «С середины 1950-х гг. ни одна октябрьская годовщина не обходилась без лозунга “Народ и партия — едины”. Эта идеологема приобрела особое звучание после смерти Сталина и решений XX съезда, пережитых массовым сознанием как космическая катастрофа. Правящая элита нуждалась в нравственных санкциях власти. Иллюзия единства партии и народа давала силу властному аппарату, уверенность в своей правоте»*.

Образ Ленина связывал «ленинскую партию» и народ, разные поколения и периоды советской истории. Не случайно в школах Москвы в год 40-летия Октября проводились собрания «Три поколения ленинцев» (например, с участием той же Е. Д. Стасовой, члена партии с 1898 г.).

Ленин предстал в плакатном искусстве к 40-летию Великого Октября не только «вождем», но и «человеком». Так на плакате Михаила Гордона «Ленин вечно живой» был использован ленинский образ с картины И. И. Бродского «В. И. Ленин на фоне Кремля» (1924 г.). Художник Бродский для создания образа вождя на этом полотне в свое время использовал фотографию В. И. Ленина с В. Д. Бонч-Бруевичем, сделанную в 1918 г. на территории Кремля. Наличие такой «документальности» на плакате М. А. Гордона должно было помочь показать широким массам образ Ленина не как «божества», а как «реально жившего» на земле человека. И действительно, Владимир Ильич на плакате Гордона стоит

* Колоскова Т. Г., Киташова О. В. Миф о любимом вожде [буклет]. М., 2014.

непринужденно, он смотрит с прищуром и улыбкой, о чем-то задумался, но, быть может, уже в следующее мгновение полностью обратит свой заинтересованный взгляд в сторону зрителя.

При взгляде на этот плакат, вспоминается поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924), которая, кстати, лидировала по популярности в исполнении на конкурсе чтецов, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В ней был дан образ «ленинской простоты» Ильича «самого земного из всех прошедших по земле людей» в противовес вождю («царством и божествен»). В 1964 г. плакат М. А. Гордона, признанный актуальным в пропаганде как «делавший» зрителя сопричастным «живому вождю», будет отредактирован. В него вставят клятвенные слова из стихотворения Маяковского «Разговор с товарищем Лениным» (1929): «... вашим, / товарищ, / сердцем / и именем / думаем, / дышим, / боремся / и живем!..»

Надо отметить, что ленинская тематика принимала в 1957 г. «человеческие» и даже бытовые формы от рисунков К. А. Клементьевой «Комната Володи в Ульяновске», Д. С. Хайкина «Ленин на охоте» до фильма «Рассказы о Ленине» С. И. Юткевича. В этой кинокартине болеющий в Горках Ленин непринужденно и даже ласково общался с рабочими, медсестрой Сашей, обо всех заботился и даже помогал Саше устроить брак с рабочим.

Эта простота, доступность людям Ленина должна была, по мысли партийных идеологов, на своем контрасте дискредитировать оторвавшегося от народных масс «забронзовевшего» Сталина, оставить его в прошлом, а Ленина «перенести» в настоящее. Однако в «человеческом» измерении Ленина были свои границы. Так, например, в героико-торжественном ключе без намека на натурализм была показана смерть вождя в фильме «Рассказы о Ленине».

В обществе сталкивались различные мнения, каким представлять образ Ленина. Так, на зрительской конференции по обсуждению спектаклей московских театров, поставленных к юбилею революции, шли дискуссии по поводу образа «вождя мирового пролетариата» в спектакле «Вечный источник» (Малый театр). Одни зрители восхищались «скромностью» Ильича и тем, как ему «близки интересы народа». Другие же требовали отражать образ вождя «реалистично», указывали на основе прочитанных мемуаров на то, что Ленин ходил на охоту не один, а в сопровождении шопера С. К. Гиля, и на то, что «не в духе Владимира Ильича» схватить сажень и самому измерять землю.

В собрании Исторического музея имеется вышеупомянутая картина художника из Харькова Леонида Шматько «В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО». На ней Ленин, делающий доклад об электри-

фикации страны на VIII Всероссийском съезде Советов (1920), экспрессивно обращается к представителям народа, которые занимают уже не только зрительный зал, но и саму сцену Большого театра. Из верной «ленинской гвардии» на полотне «нашлось место» только Г. М. Кржижановскому (реально делавшему на этом съезде доклад по плану ГОЭЛРО) и Ф. Э. Дзержинскому. Большинство лиц на самом деле присутствовавших тогда в президиуме съезда было репрессированы и/или низвергнуты из партийного пантеона (Сталин), а их образы «изгнаны» из советского искусства. Впрочем, официальному искусству как раз и следовало подчеркнуть народность, демократичность вождя. Неслучайно данная картина после закрытия юбилейной выставки поступила в собрание Центрального музея В. И. Ленина.

Плакаты и картины с юбилейной выставки в Манеже, сохраненные в Историческом музее, показывают, что власти и художники желали к 40-летию Октября отойти от помпезности ленинского образа, но в то же время опасались, что образ «простого» Ильича принизит Ленина как вождя революции и основателя Советского государства. Возвеличивание образа «вечно живого» Ленина получило яркое продолжение в праздновании 90-летия со дня его рождения (1960) и достигло своего апогея с чертами уже явной избыточности при Л. И. Брежневе в год 100-летия Ленина (1970). Ленинский образ, «реанимированный» в «оттепель» ленинский культ, оставался одной из самых важных идеологических опор Советской власти вплоть до последних лет перестройки.

